

A photograph of ancient stone ruins, possibly Mayan or Aztec, with large tree roots growing over them. The scene is set in a lush, green environment. The text is overlaid on a brown rectangular background.

A. D.

ОТПУСК

16+

Знаете то чувство, когда выглядишь *потрясающе*? Когда физически ощущаешь на себе восхищённые взгляды прохожих, в голове у тебя играет любимая песня, воплощающая твою неотразимость в ноты, а походка выносит на миланский подиум. Прекрасное чувство. Жаль правда, что оно пропадает, как только ты проходишь мимо кого-то посимпатичнее. Или мимо зеркала.

Алиса была жутко недовольна собой. Обычно это чувство в спешке притуплялось, но сегодня всё было как-то особенно заметно. Она уже дважды заехала себе в глаз кисточкой от туши и уже на тридцать процентов была готова к тому, чтобы выйти из дома не накрашенной. Но очередной взгляд в зеркало заставил снова взяться за тюбик и наконец, с грехом пополам, накрасить второй глаз. До звонка, как обычно, оставалось четыре минуты. «Чёрт, надеюсь, я не одна такая». Опаздывать на литературу не хотелось, во-первых, потому что за это точно прилетело бы от учительницы, и, во-вторых, потому что сегодня они наконец приступали к Маяковскому. Алиса схватила куртку и осторожно, чтобы не разбудить маму, прикрыв дверь, на цыпочках побежала к лифту. Как бы велика ни была её спешка, спуск по лестнице был выше человеческих сил.

Холодный апрельский воздух царапнул лёгкие, но переводить дыхание было некогда. Серые комья последнего снега всё ещё лежали на обочинах, сливаясь с асфальтом и создавая картину потрёпанной старой дороги, ведущей в никуда. Вообще такая картина была привычной для небольшого города, особенно весной: здесь можно было не ожидать буйства красок и прилива сил, такое редко случалось даже летом; но если вы искали что-то бесконечно серое, уводящее в протрацию и стирающее желание делать что-либо захватывающее, то место было самое подходящее. Алисе было некогда впадать в меланхолию, но включить подходящую песню она волшебным образом смогла.

Ввалившись в первую дверь, она перевела дыхание. Упова на удачу, она осторожно вошла во вторую и, разумеется, наткнулась на завуча.

– Что первым? – голос казался строгим, но глаза, как всегда, посмеивались.

– Литература.

– Уж ради неё-то можно было бы и поторопиться, физмат!

Последние слова настигли Алису уже в раздевалке. Поздоровавшись ещё с тремя засонями, она быстро скинула сапоги, легко сунула ноги в старые кеды и опрометью бросилась на второй этаж.

Сбившись в стайку пугливых воробьёв, они стояли возле кабинета и честнейшим образом решали, кто должен постучать.

– У меня камень, я выиграл. – Славе, как обычно, повезло, и честь быть сожжённой на костре праведного гнева первой выпала Алисе. Звонок прозвенел с полминуты назад, но для Виктории Павловны что полминуты, что пол-урока – всё одно. Алиса подняла руку. Все четверо престаи дышать.

Робко постучав, они медленно открыли дверь и замерли в ступоре. Вместо мечущего ледяные молнии взгляда Виктории они встретили горчично-насмешливый взгляд самого привлекательного мужчины, которого Алиса когда-либо могла вообразить. Он полулежал в её кресле, повернувшись к двери, при этом сохраняя собранность и животную грацию. Широко улыбнувшись, он рукой разрешил им войти и продолжал улыбаться, пока они со скрежетом выцарапывали книги из обветшалых портфелей. Как ни странно, под его взглядом не было неуютно, но откуда-то из глубины позвоночника к голове медленно подступал истеричный смех, исполненный понимания и сумасшествия.

Алиса пристыдила разбушевавшееся либидо и попыталась сосредоточиться на сути происходящего. Это оказалось не так-то просто: бессонная ночь за компом давала о себе знать. Но сериал сам себя не посмотрит, знаете ли. В конце концов выцепить главное Алисе удалось: Виктория уехала с олимпиадниками в белокаменную, а этот дядька пока не очень добросо-

вестно исполнял её обязанности (слабо сокрушал словом хлипкую самооценку одиннадцати-классников).

–Итак, начнём. Сегодня по программе у вас Маяковский, и я пока не буду отступать от плана. Но, на мой взгляд, знакомство с поэтом должно состоять из знакомства со стихами, а не с биографией. Так что я вам сейчас кое-что прочту.

Читал он «Люблю...». Неплохо читал. Алиса даже проснулась окончательно. Но в глазах её соседей было столько восхищения и обожания, что у неё закрипели зубы. Здоровый детский эгоизм и плохо скрываемое желание быть в центре внимания начинали медленно бурлить в животе. На последних трёх строфах она уже плохо слушала, но пристально смотрела ему в глаза. И прочла в них то, что ей хотелось: чуть заметное самодовольство и вызов. Он беззастенчиво возомнил себя лучшим чтецом! Алиса не могла с этим смириться. Как только он закончил и затихли аплодисменты, её рука настойчиво взлетела вверх. Но этот литератор в снежно-белой рубашке под кроваво-красным жилетом и не думал замечать её выпад. Он медленно опустился обратно на стул, придвинулся к столу и, глядя прямо ей в глаза, заявил:

–Спасибо. Маяковский, по моему скромному мнению, один из самых сложных для чтения поэтов, так что вряд ли кто-то из вас сможет достойно прочесть хоть что-нибудь. Но, если у вас есть желание, вы, разумеется, можете попробовать.

Его глаза опасно сверкнули. Этот же красноватый огонёк мигом отразился в Алисиных глазах. Не дожидаясь разрешения, она с грохотом отодвинула стул и тут же оказалась возле кафедры. Оглядев застывший класс и снова развалившегося в кресле учителя, она не смогла сдержать победоносной улыбки.

–За всех вас...

Она вложила во «Флейту» всю свою любовь к Маяку и всё своё мастерство. На середине третьей части из глаз даже брызнули слёзы, но сдерживать их она не стала. Она чувствовала себя крепко прибитой гвоздями слов к этой тяжёлой кафедре, и не хотелось терять ни минуты. И магия свершилась: пару секунд все сидели ошарашенные, а потом взорвались аплодисментами. Они заглушили звонок.

Он тоже хлопал. И улыбался. Победоносно.

–На сегодня все свободны, а вы, пожалуйста, оставайтесь.

Алиса сразу подумала, что сейчас будет головомойка. У губ сразу появилась еле заметная презрительная складка. Ругань она никогда не умела воспринимать адекватно: хотелось или истерично смеяться, или ругаться в ответ самыми нехорошими, но пряными словечками. Она не спеша складывала свои пожитки в рюкзак, пока все вытекали из кабинета. Переглянулась с Сашей и тихонько пожала ей руку, когда она проходила мимо. Слава вышел последним и зачем-то прикрыл за собой дверь. Алиса сложила руки на груди и встала возле кресла. Он медленно поднялся и встал рядом. Несколько секунд они просто смотрели друг другу в глаза: она – зло и колюче, а он – со смехом. Потом в его руках появилась чёрно-белая брошюрка. Он протянул бумажку Алисе и вкрадчиво произнёс:

–Жду вас в шесть на крыльце школы. До свидания.

Отвернулся и ушёл в маленькую лаборантскую позади класса.

Алиса очнулась от хлопка дверью, тряхнула головой, пожала плечами и вышла из кабинета.

Саша ждала её возле двери. Они обнялись, и, как настоящие друзья, продолжили бесконечный разговор без ненужных приветствий.

–Ну и что это сейчас было? – Сашин вопрос был настолько пропитан сарказмом, смехом и пошлыми намёками, что от такого же количества коньяка в бисквитном торте лошадь из могилы полезла бы танцевать у пилона.

–Ничего не было. Хмырёныш какой-то вылез и бесит меня, вот что было. «Никто не сможет повторить, бла-бла-бла...». И больше всего раздражает то, что он весь такой идеальный – костюмчик, рубашка, причёска, глазки – фу, аж передёргивает! Ещё и тушь из-за него потекла.

Алиса повернула к Саше лицо и озабоченно спросила:

–Всё очень плохо?

–А куда мы, по-твоему, направляемся?

Они вошли в туалет младшего блока, где в субботу было особенно немногочленно, и встали в очередь к раковине с зеркалом. Шутка про «место встречи изменить нельзя» уже всем надоела, так что они просто переглянулись со знакомыми, сверкнули синяками под глазами и продолжили просыпаться.

Тут вдруг Алису осенило.

–У нас разве не пара литры сегодня? И почему уроки по 30?

–Доброе утро. Сегодня ж научно-практическая у мелких, а у нас очередная линейка. Вчера нам снова промывали мозг, забыла?

Алёна вытерла руки и подошла обняться. Удивительно, как может сблизить двух людей страсть к одним и тем же сериалам! Подружились они с Алисой прошлым летом, когда на отработке развлекали детей в школьном лагере. Теперь ежедневные визиты в организаторскую и прогулы физкультуры у них проходили исключительно вместе. К тому же Алёна была хорошей художницей, а вкуче со сценаристским талантом Алисы их тандем непременно принимал участие в каждом школьном мероприятии. Алисе нравилось проводить время на сцене актового зала в любом амплуа – ведущей, сценариста, танцовщицы или просто отвлекающего манёвра. Нравилось после уроков сидеть и клеить из картона очередные приглашения и приходиться домой затемно. Нравилось чувствовать себя частью большого, хорошо спланированного действия, иногда даже нравилось проводить время с другими людьми. Полностью погружаясь в работу, можно было забыть о брюзжащем в голове голосе, требовавшим определиться с будущей жизнью, с вузом, с экзаменами. Когда она работала, можно было не выбирать. Можно было просто делать то, что нравится.

Алиса перестала тереть лицо. Остатки туши давно были смыты, а фиолетовые круги обычной водой не отмывались. «И вот к чему было всё это мучение с утра?». Она забрала рюкзак из рук Саши, и они стайкой медленно поплыли к актовому залу.

Там уже всё началось, но в полном составе сидели только десятые классы: одиннадцатая параллель, чувствуя себя практически неприкасаемыми, небольшими группами растекалась по задним рядам. Речь держала завуч; директора не было, а у троих из четырёх классных были уроки. Паника, как и ожидалось, была посвящена грядущим экзаменам. Светлана Николаевна, казалось, была самым понимающим человеком из руководства школы: она не тратила время на воодушевляющие речи и грозные наставления перейти порог. Не обращая внимания на лёгкий гул, она рассказывала организацию экзамена и собирала документы и подписи с должников. У Алисы же появилось время на самое приятное занятие, которое себе можно позволить в школе. Она достала из рюкзака «Жизнь» Мопассана и спряталась от живого мира за придуманным. Саша выбрала тот же показушный способ уйти от общения, но у неё в руках был, как всегда, Бродский. Слава копался в телефоне, и периодически Алиса слышала уведомления двух телефонов – он присылал им в группу шуточки. Они с Сашей по очереди просматривали их и, неприлично громко смеясь над самыми мерзкими, оборачивались на широко ухмыляющегося Славу.

Алисе не слишком нравилось такое развитие событий – она любила обсуждать с друзьями такие важные темы, как, например, наличие у пингвинов коленей; но вместе с тем нравилось создаваемое окружающей толпой уединение – нигде больше она не чувствовала такую прочность многие годы заботливо укрепляемой скорлупы, куда было так приятно прятаться от внешнего мира.

Поэтому, когда прозвенел звонок и все дружно стали проталкиваться к выходу, Алисе стало чуть-чуть грустно, но тут же весело: заговорщически переглядываясь, все трое читали в глазах друг друга одно и то же слово: «Столовая».

В столовой они пролезли к раздаче, как всегда, без очереди и, довольные, с булочками в руках, направились к свободному столу. Во время священного действия – поглощения пищи – никто не разговаривал, лишь изредка раздавалась сдержанная похвала столовскому рису с подливкой. Наконец они приступили к десерту – беседе и булкам. Алису всегда немного раздражала привычка Саши и Славы говорить о каких-то непонятных людях, которых знают только они, но был в этом несомненный плюс – можно было молча слушать и есть, хотя ощущение себя третьей лишней неприятно покалывало её в бок.

Потом разговор плавно перешёл на тему, в которой каждый из троих мог показать себя – они заговорили о музыке. Когда на тебя разом наваливается столько стресса и переживаний, невольно начинаешь искать кирпичи для постройки стены между собой и проблемами. И понимающие, мелодичные голоса становятся отличным раствором для кладки аккордов в эту стену. К тому же идея того, что ты можешь в любой момент включить максимально депрессивный плейлист и всласть пострадать, сама по себе уже успокаивает. Всё время по пути на третий этаж они спорили, какая подборка больше заряжает позитивом – настраивающая на суицид или намекающая на массовое убийство – и мерились длиной треков. В классе они разошлись – сидели на разных рядах. Физик опять пожаловалась на отсутствие оценок и закатила контрольную. Тем, кто решил испортить себе жизнь и сдать экзамен, она, разумеется, дала вариант посложнее. Алиса поблагодарила маму с папой, что не обделили её мозгами, и достала калькулятор. Из-за коротких уроков задач дали больше, но на два часа. Все решали по мере сил и возможностей: кто-то решал за двоих, кто-то выключал звук на телефоне, чтобы фотографировать решения без привлечения особого внимания. На первой парте, перед той, за которой сидели Алиса и Саша, Гриша вёл душевные беседы с Любовью Фёдоровной, улыбался прокуренными зубами и неоднозначно отвечал на её вопросы о том, собирается ли он сдавать экзамен.

Этот Гриша вызывал у Алисы самые противоречивые чувства. Причём гамма была довольно обширная: симпатия, лёгкая неприязнь, жалость, любопытство и непонимание. Определённого плана на жизнь у него не было – не было в принципе, а не как у каждого второго в этом классе; он не собирался поступать никуда, при этом учиться вроде бы хотел, но «сам»; единственное, в чём он был уверен – что он откроет ИП, разбогатеет и докажет всем вокруг, что образование никому не нужно. Идей по поводу хотя бы направления работы будущей фирмы у него не было (было ощущение, что всё, включая сотрудников и капитал, вот-вот свалится ему на голову из рук богатенькой одинокой дамы средних лет); предпринимательской жилки у него тоже со стороны не наблюдалось – он всё всегда делал неторопливо, небрежно, вразвалочку; никуда не торопился, ни к чему не стремился, не пытался начать хоть что-то делать для достижения цели. Единственное, что он сейчас делал, – бегал от матери к отцу, от отца к бывшей и занимал у всех вокруг деньги на сигареты. Алиса часто думала о том, что же его сломало: несмотря на всех своих крупных тараканов, он был довольно умным, даже когда-то занимался олимпиадами по математике. Но потом его родители развелись, и он упал: начал курить, забросил учёбу. Алиса стала его другом, но больше потому, что она была нужна ему. Ей всегда было больше интересно наблюдать за ним как за объектом психиатрического исследования (иногда даже становилось немного стыдно за это, но чувство быстро проходило). Не все его идеи и поступки были понятны, но казалось, что доказать что-то он хочет конкретному человеку. Алисе льстили его чувства и внимание, но отвечать на них не хотелось. Было ощущение, что она может помочь, если будет рядом, но не хотелось тратить себя на других. Все его друзья наперебой утверждали, что только она имеет на него такое колоссальное влияние, но ей не хотелось быть около него, когда он сопьётся или сядет. Было жаль его, было желание

помочь, но это желание было гораздо меньше любви к себе. Иногда это её злило, потом эгоизм побеждал филантропию, а потом она злилась ещё больше. Это был именно тот случай, когда бездействие хуже открытого презрения, но Алиса ничего не могла с собой поделать. Ей самой нужно было время, чтобы сделать выбор.

Между тем отчаяние обретало феерический размах. Перемена кончилась, а ответ в последней задаче у всех получился разный. Все пересчитывали уже в третий раз, а Люба сидела и тихонько посмеивалась над тщетными попытками выведать у неё правильный. Наконец два ответа совпали: у Алисы и Славы получилось 1,8.

–Саш, ты скоро?

–Ща, два ответа осталось посчитать.

–Я тебя тогда снаружи подожду.

Алиса почувствовала лёгкий укол карандашом в спину. «Чёрт, ни за что». Торопливо собрав свой хлам в рюкзак, она выскользнула из-за парты, сдала листочек, попрощалась и вышла. «Фу, пронесло».

Привлечь её внимание пыталась Алина, человек, способный одним своим видом вывести из себя кого угодно. Она, разумеется, считала себя звездой, красавицей и умницей, хотя её тонкие белёсые волосы и грузная фигура с тяжёлой кормой могли привлечь разве что извращенца, умом никогда не блистала и не раздражала разве что тех, кто её не знал. Алиса всегда была уверена, что неприязнь в девяноста восьми процентах случаев была вызвана завистью. И этот случай был один из тех двух процентов. Потому что ну никак не могли пятьдесят человек завидовать ей (хотя она, похоже, в этом была абсолютно уверена). Она всё время пыталась всеми руководить и, когда её никто не слушал (то есть всегда), раздражалась оглушительными воплями и впадала в истерику. Перекрикивать её было бесполезно, так что обычно в этот момент полкласса уходило в другой кабинет и продолжало работать, а остальные расходились по домам. Ей, судя по всему, было невдомёк, что на её мнение всем плевать, так что она продолжала его выражать – громко, плаксиво и требовательно. Они с Алисой учились вместе с первого класса, и за всё это время Алина ничуть не изменилась. Где-то в шестом классе Алисе было уже неинтересно, почему она такая. В этом, конечно, тоже мог быть замешан развод родителей, но тут, наверное, природа изначально сплеховала.

В последнее время Алина всё меньше волновала Алису: проблем было и так достаточно, и желания тратить силы на мелкие и бесполезные конфликты не было совсем. К тому же чувства, которые Алиса в последнее время испытывала по отношению к ней – жалость и равнодушие – были немногим лучше презрения, так что лишний раз сотрясать воздух вокруг своего личного пространства ради такого человека как Алина не стоило и пустой скорлупки из-под тухлого яйца третьей категории.

Алиса наконец выскользнула из класса и плюхнулась на пустой диван. Все, кто уже вышел, разошлись по домам – новость об отмене сегодняшнего допа вдохновила на приключения. Слава помогал соседям сзади, так что поговорить было ну вообще не с кем. Алиса сунула руки в карманы и нащупала мятую бумажку. Это оказалось лаконичное приглашение на литературный вечер, посвящённый Маяковскому. Начало было в семь, а название кафетерия Алиса видела впервые в жизни. Хмыкнув и улыбнувшись про себя, она подумала: «Никуда я не пойду. Вот ещё, пропускать из-за этого новую серию. К тому же мама точно никуда не пустит так поздн...»

–Что за салфетка?

Саша упала рядом и навалилась Алисе на плечо. Та протянула ей листок и стала наблюдать за реакцией. Но вечно распущенные волосы Сашки скрывали всю картину, лезли Алисе в рот и глаза, так что всё время, пока одна читала, вторая отплёвывалась и пыталась моргать.

–Тебя ж мама в такое время дальше мусоропровода не пустит. К тому же ты там только и будешь всех ненавидеть и кричать, что они недостойны. Но идея неплоха. Где взяла? И зачем тебя наш новенький оставлял в кабинете? Наказать за наглость?

Сашины брови, густо подведённые коричневым карандашом, в недвусмысленном намёке поползли вверх.

–Фу, нет. А жаль. Да короче, он просто дал мне бумажку и ушёл. Лучше расскажи, как у твоего воробушка дела.

Воробушек этот был немаленьких размеров и не самого покладистого нрава. Фамилия его была Ястребов, и, с тех пор как он пришёл к ним в класс, у них были очень странные отношения. Он ухлёстывал за Алисой и Сашей по очереди и всё никак не мог определиться, моногамен он или нет. Но пару месяцев назад всё как будто бы встало на места: он начал встречаться с Сашей. Но Алисе от этого легче не стало. Она начала жутко ревновать. Причём Саше она не сказала ни слова, хотя всегда считала себя достаточно эгоистичной для того, чтобы разрушить чьи-то отношения. Только вот, похоже, Алиса оказалась добрее, чем думала. По внешним признакам Саше нравилось проводить с ним время, и Алиса старалась ей не мешать. Хотя сейчас Саша нужна была больше всего на свете: нужно было говорить, советоваться, проводить время вместе – ведь скоро, совсем скоро они могли расстаться навсегда, разъехаться по разным городам, и их дружба, такая крепкая и необходимая, как воздух, могла не выдержать расстояния. Но эти два птенчика умудрялись даже на уроках общаться, хотя сидели друг от друга через три парты. Алиса скучала по шуткам и смеху на весь класс, по обсуждению всякой ерунды полущёпотом, по поеданию йогуртов втихомолку из одного стаканчика. Но вот сказать всё это почему-то не выходило: оказалось, что Саша принадлежала не только Алисе, но и самой себе.

–...ели мороженое, гуляли и целовались. А потом он проводил меня до дома, мы расстались, и он ушёл.

Алиса выпала из меланхоличных размышлений и чуть не съехала с дивана.

–ВЫ ЧТО???

–Да.

–Вот прямо совсем?

–Да.

–Совсем-совсем?

–Да.

–Ну и наконец-то.

Алиса улыбнулась, но Саша ей не ответила.

–В смысле?

–Ну, по-моему, он на тебя плохо влиял.

–То есть? Это ты ему тогда написала?

Вопрос прозвучал холодно и резко. Саша встала и отодвинулась на середину дивана. Глаза её сразу приобрели какое-то колючее, застывшее выражение. Руки сложились в узел на груди, а волосы угрожающе растрепались. Алиса видела раньше этот взгляд, когда Саша на кого-то очень сильно злилась или начинала ругаться не в шутку, но на неё он был направлен впервые. Сразу стало неудобно, и между ними пролегло будто бы не полдивана, а стальное корыто, полное жидкого азота. Алиса даже почувствовала страх где-то в животе: он медленно, скользкими, длинными пальцами обнимал желудок и сжимал его до размеров грецкого ореха; сквозь эти холодные пальцы в голову проникала мысль о том, что она сделала что-то по-настоящему мерзкое, хотя что именно, она понять не могла. Вообще в последнее время Саша стала отчуждённее – не только из-за парня, а вообще. Стала жёстче, даже будто грубее: изменилась манера речи, жесты. Не к Алисе, нет; к незнакомцам или к тем, кто не ей нравился. Алиса переживала за неё – не так, как за себя, конечно; у Саши, казалось, всё было схвачено, всё

продумано, всё просчитано до мелочей. Она знала, куда поедет, где будет учиться, как жить. Ей не о чем было волноваться. Она должна была помочь Алисе, а её не было рядом.

Писала же она Ястребу просто так, в шутку. Сказала, что он плохо влияет на Сашу, пошутила, посмеялись. А он, оказывается, разболтал. Сплетник чёртов.

–Я.

–И как же он на меня влияет?

–Ты стала... не знаю... круче, что ли. Злее. Как-то огрубела.

Алиса боялась задеть Сашу и боялась сказать ей правду. Боялась обидеть, потому что обижать близких получается почему-то всегда особенно хорошо и незаметно.

–Допустим. А с чего ты взяла, что это из-за него?

–Просто насколько я знаю, у тебя ничего нового, кроме него, за последнее время не случилось, вот я и решила, что он, как всегда, во всём виноват.

Алиса грустно улыbnулась и тихонько посмотрела на Сашу. Та будто выдохнула, как-то осела, откинулась на спинку дивана, словно вдруг ослабела. Отвернулась к окну и долго смотрела на серый, мокрый асфальт школьного двора под мокрым, серым небом.

Они молчали. Потом Саша молча встала, взяла рюкзак и пошла в сторону младшего блока. Алиса, тоже молча, последовала за ней. В пустом коридоре стоял пустой диван, они сели на него и снова замолчали. Корыто с азотом осталось на другом диване. Алиса ждала, а Саша смотрела в окно. Наконец она заговорила, не поворачивая лица, с подозрительно заблестевшими глазами.

–Мне обидно даже не то, что ты подумала на него, совсем не то. Мне обидно, что ты говоришь обо мне за моей спиной. Почему ты всё это мне не высказала?

Саша выжидающе посмотрела на Алису. Глаза у неё блеснули, покраснели, но слёз ещё не было; она была похожа на искренне обидевшегося ребёнка, который ждёт объяснений и оправданий столько же, сколько потом примирительных объятий и мороженого. Мелькали там и другие чувства: злость, боль, недоумение, а где-то в глубине, в самой тени притаилась бледная, крошечная, робкая и тихая просьба о помощи, почти незаметная. Алиса смешалась и совсем не знала, что сказать. На неё напал тот самый ступор, который так страшен разговорчивым и весёлым людям, когда они из-за короткой паузы выпадают из общего разговора и потом не знают, что сказать, чтобы разом вернуться, и поэтому мнутя рядом, тоскуя и не зная, куда деть ставшие вдруг такими неуклюжими и ненужными руки. Но выдать из себя хотя бы ползвука было необходимо, и она решила начать с самого простого, а потом пустить всё на самотёк.

–Я. Я не хотела тебя расстроить.

что я несу и зачем

–Я не хотела тебя обидеть.

что происходит

–Я думала, тебя это заденет.

какого...

–Я чувствую, что в последнее время ты отдалилась, и не хотела усугублять. Ты очень изменилась, и пока не могу до конца понять, в лучшую сторону или нет; но я отлично знаю, что ты мне очень нужна, поэтому я не хочу с тобой ссориться каким бы то ни было образом, и решила тебе ничего не говорить. Я не знаю, что у тебя произошло, и если ты не захочешь мне рассказывать, я пойму. Но я просто хочу, чтоб ты знала: я всегда буду рядом.

Саша снова отвернулась к окну и замолчала. Алиса, кажется, пыталась сказать ещё что-то, но звуков почему-то не было. Прозвенел звонок. Саша достала из сумки скомканную салфетку и начала стирать подтёки туши.

– Не хватало ещё разреваться в школьном коридоре, – ухмыльнулась она невесело и прикрыла руками глаза от проходящей мимо библиотечарши. – У меня кое-что случилось, но я не хочу пока об этом говорить. Но это с ним никак не связано.

Они снова замолчали. Саша продолжала смотреть в окно. Потом повернулась и сказала, что случилось. Из глаз снова потекли слёзы – крупные, тяжёлые, прозрачные, они чертили тёмные дорожки по щекам, и Алисе было невыносимо жаль Сашу, дико хотелось её обнять, – но Алиса чувствовала, что пока этого делать не стоит: Саша не вполне довольна собой из-за того, что проговорилась.

– ...я уже слишком взрослая, чтобы переживать на это счёт, – тут её голос слегка сорвался, а по подсохшей коже потекла новая капелька блестящей жидкости. – ...

– Ну и что, что ты взрослая? Думаешь, от этого становится легче или меньше больно? От возраста отношение к некоторым вещам не меняется, и душа твоя со временем в определённых местах не обрастает мхом и ракушками. Тебе не должно быть всё равно; то, что тебе больно – совершенно правильно. То, что ты заставляешь себя ничего не чувствовать, совсем не помогает. Нельзя загонять себя в самодельные газобетонные стены и потом сбивать костяшки пальцев, пытаясь выбраться. Если ты захочешь поговорить, то я всегда готова. В любое время дня и ночи.

Алиса улыбнулась ободряюще и повернула голову, заглядывая Саше в лицо. Она улыбнулась слабо и стёрла с лица остатки туши.

– Я просто хочу уехать, и как можно скорее... Ну, хватит тут сидеть. Пошли.

Она неестественно легко подхватила сумку и направилась к лестнице. Алиса сгребла в охапку свой рюкзак и поспешила за ней. Поравнявшись, они молча спускались, уступая дорогу учителям. Алиса легонько тронула Сашину ладонь, холодную и дрожащую; после секундной паузы их руки сплелись в замок.

Они оделись, неискренне посмеиваясь над шутками одноклассников, и вышли. Накрапывал мерзкий, холодный дождик, но капюшон никто не надевал. Саша просто была в пальто без ворота, а Алисе не хотелось. Они так и не говорили: клей ещё не просох, не стоило тревожить тонкий слой и потом смотреть на длинные липкие нити, пахучие и жёлтые, понимая, что они уже ничего не починят.

– Я к бабушке. – Саша всё ещё отводила глаза, но уже не так явно. Она мягко сжала Алисе руку на прощание и направилась в ближайшую арку между домами.

– Пока, – Алиса немного постояла, смотря ей вслед, а затем развернулась и пошла в другую сторону. Мелкий и кислый дождь оседал на волосах и брюках, растворял и размазывал по глазам остатки туши. Очень хотелось поплакать, но на улице Алисе это сделать не позволяло самолюбие. Музыка она не включала, во-первых, потому что шум улицы уже был достаточно угнетающим, и, во-вторых, потому что наушники лежали где-то в рюкзаке, и искать их было лень. Алиса доплелась до подъезда, поднялась на этаж и, чуть не уронив ключи в шахту лифта, наконец добралась до своей двери.

– Я дома!

– Привет, ребёнок. Как дела?

Мама сидела в гостиной на диване и смотрела телевизор. Сестра уже убежала в художку, а папа должен был вернуться только через две недели. Кот спал на диване в комнате Алисы. Она бросила портфель на стул и, мимоходом потрепав рыжие пушистые уши, пошла мыть руки.

– Нормально.

Голос еле заметно дрогнул, но маме с её почти животным чутьём этого было вполне достаточно.

– Что случилось?

катастрофа

– Ничего.

Глаза предательски наполнились слезами. Проскользнув в ванную, Алиса умылась и глубоко вздохнула. Вроде бы успокоившись, она вышла и направилась на кухню. По пути мама поймала её за руку и, заглянув в глаза, настороженно спросила:

–Я же вижу, что что-то не так. Расскажешь?

Алиса плюхнулась на диван рядом с ней. Положила голову ей на колени, затылком к животу. Снова глубоко вздохнула. Телевизор потемнел.

я не хочу об этом говорить

–Мы с Сашей поругались.

–Из-за чего?

Мама мягко гладила её по голове. Вообще Алиса не любила, когда кто-то трогал её волосы: но мамины руки всегда были как-то по-особенному нежные, сухие, тёплые и мягкие. От них не хотелось уворачиваться и после них на волосах не оставалось ощущения грязи. С каждым прикосновением напряжение спадало, и ледяная палка внутри таяла. Почувствовав сырость на коленях, мама прижала Алису к себе.

–Из-за этого сокола ясного что ли? Господи. Вот тоже, нашла из-за чего расстраиваться! Ревнуешь её?

Алиса только громко шмыгнула носом в ответ и вытерла немного воды со щёк. Мама продолжала её поглаживать и, неизвестно какой частью мозга угадывая, что происходит в Алисиной голове на самом деле, говорила самые нужные слова:

–Успокойся, не переживай. Думаешь, она нужна тебе больше, чем ты ей? Это неправда. Просто сейчас у неё в голове командует целая команда гормонов, и она их внимательно слушает. Она немножко поиграет и успокоится. Тебе это тоже потом предстоит, так что вместо того чтобы рыдать, понаблюдай бы и посмотрила, что стоит делать, а что не стоит выносить из головы и пугать людей.

Алиса усмехнулась. В последнее время она всё чаще осознавала, что мама знает её лучше её самой. От этого становилось страшно и очень неловко, но при этом было чуть-чуть легче и хотелось свалить на неё ответственность за выбор своего будущего. Сейчас, правда, хотелось просто лежать как кот и смотреть в стену. Но подпитывающее депрессию ничегонеделание имеет неприятное свойство прекращаться в самый неподходящий момент самым досадным образом.

–Ты посмотрела вузы, куда документы будешь отправлять?

–Нет.

–Почему?

я не хочу об этом думать

–Не знаю.

–Ты вообще кем хочешь стать?

не знаю

–Не знаю. Космонавтом.

–Ты медосмотр у психиатра не пройдёшь. А если серьёзно, чем ты хочешь заниматься?

–Откуда я знаю, мам?

–Вот ты молодец. А кто должен знать? Это кому нужно – мне, что ли? Останешься здесь, и всё.

ни за что!

–Нет!

–Почему? Ты же не хочешь сама думать, так что я решу за тебя.

не в этот раз

–Я здесь не останусь.

–Почему?

потому что я достойна большего

–Потому что не хочу.

–Такая ты интересная. Ты до каких пор собралась всё откладывать? Ты понимаешь, что за тебя никто ничего не сделает? Выбирать придётся, рано или поздно. Понятно, что ты заморачиваешься по поводу того, что этот выбор определит всю твою жизнь, но сделать его нужно, и как можно скорее.

да я сделала уже. Будто бы

–Ну, вот так получается. Я пока не знаю.

–А по-моему так ты там себе уже чего-то напридумывала, а сказать боишься.

Потрясающей силы материнское чутьё: «Ты что-то там себе надумала, а сказать боишься». Но Алиса не боялась. Просто не хотела. Ну, или...

Ладно, она боялась. Немного. Боялась, что мама не поймёт, раскричится, начнёт сначала отговаривать, а потом запрещать; Алиса боялась остаться одна со своей мечтой, маленькой, розовой и слабенькой, и загубить её редкими поливами или перекормить удобрениями.

Она хотела стать писателем. Самоуверенно считала себя достаточно умной для того, чтобы добиться успеха, даже отправила рассказ на конкурс в американский журнал. Когда она начинала писать, то чувствовала, что может совершить хоть что-то значимое в своей жизни. Она думала только о себе; думала о том, на что способна – прекрасно понимая острую необходимость пахать на пределе своих возможностей, иначе станет просто нестерпимо скучно жить. Ей хотелось занять своё место, хотелось узнать – пусть даже разочаровавшись потом – достаточно ли её голос громок для того, чтобы на хриплые, угасающие вопли хоть кто-нибудь обратил внимание. А вы могли бы крикнуть? Или предпочли бы отсидеться? В тишине.

Интересно было думать о том, что она может сделать, именно сейчас. Кажется, в этом и заключался страх выбора: идти за своей головой или бежать за престижем, богатством, уважением. В глубине души она давно осознала, чего хочет; как наполовину трус, призналась в этом самой себе, но вот смелости уведомить других не доставало. Но изнутри всё будто выгрызалось: а что, если ничего не выйдет? Не хватит ума, таланта, харизмы. И она останется и без мечты, и без денег. Кто бы что не говорил, а без них никуда. И страх остаться одинокой, неудовлетворённой, да ещё и в придачу нищей лицом к лицу с желанием увидеть, вдохнуть, потрогать всё на свете – вот какой страх заставлял уйти, сдаться, отказаться. Даже не пробовать. Убедить себя: «Я встану на ноги, обеспечу базу, не буду думать ни о чём другом – и тогда начну; тогда, с обрётённой силой и властью, я смогу наконец сделать это. И я сделаю, и всё будет именно так, как мне хочется». И, загнав пряниками и палками Маленького Принца в своей голове подальше в чулан под лестницей, заперев дверь и дважды проверив, она радостно выбрасывала ключ и бежала «создавать базу». А потом, много лет спустя, она будет бояться спросить себя: «Откуда этот тихий плач на фоне? I love my wife, I love my life. Так что это за шум?»

И самым страшным было то, что, даже осознав весь этот ужас, она закрывала тетрадь и отправлялась в светлое, не омрачённое горечью сожалений будущее. Потому что она либо сломала достаточное количество палок о спину Принца, либо его там на самом деле никогда и не было.

Думая об этом, Алиса непроизвольно расплылась в нервной улыбке.

–И что это значит?

я не могу перестать это делать

–Да ничего, ма.

Всё это время с лица Алисы не сходила ухмылка. Такая дурацкая, знаете, когда страшно или когда сильно нервничаешь, она будто приклеивается к лицу, чтобы довершить твой портрет полного идиота. Причём улыбка искренняя; такая появляется, когда начинаешь смеяться над плохой шуткой только потому, что её сказал подходящий человек.

–Нет уж, потрудись объяснить.

нужно срочно перевести тему

–Смотри, что мне Вика Павловна сегодня дала.

–Сразу тему переводить?

–Ну на.

Мама взяла измятую бумажку и начала невнимательно читать. В глубине Алиса души всё-таки теплилась слабая надежда на то, что мама её отпустит. Но чуда не случилось: мама равнодушно отбросила брошюрку в сторону и сказала:

–Нет.

–Почему?

Алисе было обидно, хотя другого ответа она особо и не ждала. Но тут в голову решили ударить откормившиеся на стрессе тараканы, и Алисе во что бы то ни стало захотелось сходить на этот несчастный вечер.

Под сенью приближающегося отъезда в университет (с, конечно же, жирным процентом уверенности в том, что она, возможно, никуда и не поступит) Алисе всё чаще хотелось выбраться из дома без родителей и понабавить побольше синяков. Мама была другого мнения: перед грядущей разлукой ей хотелось как можно больше времени провести вместе, и Алиса понимала её и старалась как можно чаще ей потакать. Но настроение бросить всё к чертям и убежать куда подальше понемногу крепло с каждым днём: и тем сильнее оно становилось, чем крепче мама пыталась завязать узлы и накрыть Алису заботой. Алисе становилось стыдно, что она хочет поскорее уехать, было жаль маму, но с собой поделаться она ничего не могла. Алису не покидало ощущение запертости и духоты; понимание происходящего и чувств окружающих не помогало. Алисе представлялось гнездо – уютное и тёплое, в котором птенчик рос с малых лет. Оберегался. А сейчас он рвётся на свободу. Птенчику кажется, что он видит вполне себе безопасный путь среди зарослей колючек, окружающих гнездо; мама-птица же видит одни колючки (и временами капающий с некоторых из них яд) и старается привязать птенчика к гнезду как можно крепче и как можно бóльшим количеством веревок.

И не прав был ни тот, ни другой.

–Потому что это поздно.

–Начало в семь!

–В это время уже темно. Я тебя не пущу, тем более одну.

–Но я же не одна! С Викой, плюс ещё из «Б» кто-то идёт.

–Я сказала «нет», значит – нет. Ты остаёшься дома.

Алиса ушла в комнату и плотно закрыла дверь. В молчаливом негодовании включив музыку на среднюю громкость, она взяла на руки кота и полезла листать ленту.

Кот начал орать и пихаться через десять минут. «Сегодня дольше, чем обычно». Алиса убрала руку, и он шумно спрыгнул, бросив напоследок кучку шерсти в лицо. Чихнув, Алиса выключила музыку и включила мультики.

Мягко погрузившись в яркий мир безграничных возможностей и неподдельной свободы, Алиса с удовольствием и лёгкой завистью к придуманным наборам пикселей портила себе глаза. На пару серий забыв обо всём на свете, она просто наслаждалась чужой фантазией и изобретательностью, но затем, проголодавшись, она вернулась в блёклую, скучную и до тошноты объяснимую реальность. Вместе с едой вернулись мысли об упущенном вечере; почему-то сразу стало казаться, что должно было случиться что-то особенное. Где-то глубоко подала слабенький противный голос крошечная обида на маму, но грусть и скука шикнули на неё и закинули подальше в чертоги разума. Снова захотелось уехать: жизнь здесь, где каждый выход на улицу дальше ближайшей пекарни уже был приключением, опостылела до невозможности. Было душно, тесно, холодно, плохо от того, что ничего не меняется, и ещё хуже от того, что вряд ли что-то изменится. На часах было 18:31.

Алиса прикрыла глаза и, откинувшись на спинку кресла, решила немножко пострадать в тишине. Вдруг звук телевизора выключился, под головой стало чуть мягче, и послышался голос:

–Вы опоздали.

Алиса распахнула глаза и рухнула с дивана в школьном холле. Не торопясь встать, она озиралась вокруг под недовольным взглядом литератора и ошалело пыталась списать видения на голодание. Через пару секунд рассудок перестал бегать от одного уха к другому и кричать что-то о слишком больших дырах в голове, остановился и задал самый очевидный вопрос: «Что на нас надето?».

Алиса по-женски незаметно оглядела себя и выдохнула: на ней были утренние брюки, блузка и кеды вместо огромного старого спортивного костюма, в котором она грелась, ещё сидя в утробе. Даже домашний посеревший спортивный лиф сменился на нормальный бюст.

может, встать?

пожалуй, рановато

–А вы не потрудитесь объяснить, какого чёрта я здесь делаю?

Алиса пыталась показаться грозной и рассерженной, даже выпрямила спину и постаралась подобрать под себя ноги. Меньше обычного понимая, что происходит, она пока не торопилась пугаться; если это была буйная фантазия, то ничего плохого всё равно не случится, а если нет, то уже всё равно ничего не поможет. Ко всему прочему, внутри начинало просыпаться жадное, всепоглощающее, прямо-таки ненасытное любопытство. Реальность чувствовалась как никогда остро, и чувство безразличия к ней постепенно пропадало.

–Позже. Вы опоздали, так что говорить придётся в моём кабинете.

Он мягко повернулся на каблуках и пошёл в сторону лестниц, даже не потрудившись помочь Алисе встать. Она неуклюже встала и, на ходу оглядываясь на перепачканные штаны и стараясь хоть как-то исправить положение, напряжённо-пружинистой походкой шла следом.

блин, да как же его зовут?

–Как тебе больше нравится.

ЧТОБ?

–Можешь называть так, как тебе больше нравится.

мысли читает??? Нет, это точно голодные галюны

–Читаю только те, которые относятся непосредственно ко мне. Занятная способность.

Лю...

–Да, наверное, это самое подходящее, хотя я его не очень люблю.

...циус

–Очень смешно.

У Алисы будто упал с плеч мешок с мукой, и всё содержимое в подвешенном состоянии оказалось в желудке. Это, похоже, и правда был Дьявол – только не совсем такой, каким его рисовали в Библии для детей, и совсем не такой, каким его придумал Данте. Он был таким, каким его представляла сама Алиса.

Всем известно, что девочкам втайне всегда нравятся плохие мальчики, которые, как им кажется, будут хорошими только для них. Алиса пошла немного дальше. Она начала думать о дьяволе как о несправедливо обиженном...

–Это меня и зацепило.

Алиса забыла, что он слышал всю эту бурду в её голове, и слегка покраснела. Тем временем они подошли к лестнице, но начали не подниматься, а спускаться. Алиса знала, что там внизу, через полпролёта, находится пожарный выход, но вопросов не задавала. Некогда было рассуждать о мелочах вроде окружающего мира и о том, что происходит в реальности.

–С кем ты там меня сравнивала?

–С Прометеем. Просто... я не знаю, меня всегда это как-то задевало, что ли. Никто не соблазняется, если не хочет этого, так что, я думаю, вы всего лишь раскрыли то, к чему она сама стремилась, но боялась, что не на кого потом будет свалить вину. Да и где бы мы были без знаний? Вымерли бы от ожирения через четыре поколения в этом райском саду, да ещё и с единственной целью в жизни – бегать голышом по траве и воздавать хвалу невидимому бородачу, который наблюдает за нами буквально *каждую секунду*. Не было бы ничего – только эти деревья, трава и ручьи, да ангелы, бесконечно поющие одни и те же гимны. На мой взгляд, человечество должно быть вам благодарно, а не списывать на ваш счёт все свои жалкие извращённые мыслишки.

Они поравнялись. Сразу стала заметна разница в росте: Алиса была почти на две головы ниже своего спутника. Он молча улыбался и слушал эти возмущённые речи с нескрываемым удовлетворением. Лестница между тем становилась уже и незаметно превращалась в винтовую, с коваными перилами, чёрными и матовыми; было видно, что пользуются ею очень редко, и перила тут скорее для красоты, нежели для безопасности.

Стало теплее. Из воздуха исчезла уличная хрустящая морозистость, и появилась тяжёловатая, сухая духота. Вокруг замелькали оттенки чёрного и красного, начала играть музыка – тягучая, упоительная и неизвестная, она из звенящего джаза легко переходила в трескучие аккорды бас-гитары, сопровождаемые хором хриловатых бархатистых голосов. Язык был мелодичный, но резкий, с неожиданными сочетаниями звуков. Наверху на таком уже не говорили пару тысяч лет.

Алиса уже давно прислушивалась, и, казалось, различала давно ушедшие голоса, так узнаваемо сыгранные ноты и ни с чьей не сравнимую беготню барабанных палочек по натянутой коже. Пахло свежими булочками с корицей и тёплым чистым морем. Лестница кончилась.

–Ну, добро пожаловать! Я не хотел производить впечатление, так что оставил всё так, как мне нравится.

Алиса огляделась. Музыка играла чуть тише и доносилась будто с другого конца длинного коридора, в начале которого начиналась лестница. Пол и стены были гладкие, но неровные, из плотного тёмного камня, отчего всё вокруг казалось погружённым в густой полумрак. Коридор петлял, но по обе стороны на равном расстоянии друг от друга находились двери – все абсолютно одинаковые, тяжёлые, деревянные, без ручек и замочных скважин. Сам Люк тоже изменился: костюм стал полностью чёрным, вернулся пиджак; рубашка тоже стала чёрной, а вот галстук из красного стал сапфиново-синим. Черты лица остались почти теми же, только скулы стали чётче и глубже, а волосы слегка потемнели. Стало даже лучше, чем было.

Алиса посмотрела и на себя. Не поменялось ничего – даже подошва кед, со временем из белой ставшая сероватой, не изменила оттенка, а на почти чёрном полу стала будто ещё грязнее. Алису это задело.

–Пойдём.

Шаги в коридоре были почти не слышны.

Они прошли уже, казалось, несколько сотен метров, но коридор всё не кончался. Алиса с нарастающим любопытством глядела на одинаковые двери и даже незаметно попыталась толкнуть одну из них. Но незаметно не вышло – почувствовав на месте двери прозрачный липкий туман, Алиса запнулась о собственные ноги и ободрала ладонь о стену, пытаясь не упасть. Грохот был адский.

Люк медленно обернулся. Алиса попыталась изобразить непринуждённое безразличие, но в позе собаки мордой вниз это было не совсем естественно. Он опять насмешливо улыбался. Алиса встала, отряхнулась и с ноткой капризной детской требовательности в голосе спросила:

–Что за этими дверями? Ад?

–А как ты себе его представляешь?

–Рисовать я, конечно, не умею, но... мне кажется, это бесконечный бар с дешёвыми напитками и заплёванными туалетами, погружённый в полумрак и почти полную тишину. Нет музыки или оживлённых разговоров, только иногда кашель и звяканье бутылок. Все будто ждали здесь чего-то, но уже давно разочаровались и потеряли интерес ко всему, что происходит вокруг. Они просто сидят за столиками, за барной стойкой, на полу – никто даже не пытается подняться и поменять пустую бутылку на полную. Бармен молча наблюдает за всем этим из тёмного угла и механически протирает один и тот же стакан. Из-за входной двери не пробивается свет – она плотно затворена – но с той стороны идёт лёгкое тепло. Никто не пытается открыть её и посмотреть, что там – все ждут, что это сделает кто-то другой. Где-то на другом конце бара стоят ободранные столы для бильярда с потухшими лампами, но игроков нет – всем уже надоело. И вот они сидят, шевеля губами, но не произнося никаких звуков – про себя проклинаят своих соседей, тех, кто сидит ближе к бильярду, тех, кто сидит ближе к бармену, самого бармена – но не делают ничего. Иногда из туалета выходит группа новичков – пугливых, как первоклассники – все мигом поворачиваются, смотрят на них, а затем, как по команде, снова утыкают нос в пустые запыленные стаканы. Группа идёт в самый тёмный, самый дальний угол и садится за пустой столик. Бармен ставит перед ними стаканы с мутной желтоватой жижой и уходит, не говоря ни слова. Сначала они смотрят на неё с любопытством, затем – с отвращением; сидят, думая молча, но одинаково: «Пусть эту бурду пьют другие, я потом получу что-то получше». Когда проходит время, а им ничего не приносят за их выдающийся талант сидеть на стуле без спинки и не падать назад, они начинают с наигранным безразличием принахиваться к содержимому кружки. Затем, глядя на соседей, которые пробуют, пьют или уже выпили то, что там было, они думают: «Может, не так уж это и плохо?». Пробуют. Вкус оказывается ещё хуже, чем внешний вид. Но они пьют – потому что пьют все остальные. Думают, что потом они-таки достанут что-нибудь получше и тоже ждут, пока кто-то откроет дверь. Хотя бы с той стороны. Кружки пустеют. Ожидание гостя незаметно улетучивается. Они слышат стук туалетной двери и по немой команде поднимают взгляд на группу робких новичков.

–Создать твой ад будет не так сложно, кстати. У меня есть хорошие пейзажисты, я их наверх отправлю.

–Но тут, я погляжу, всё немного по-другому.

–Я же говорил – здесь всё так, как есть на самом деле. Заходи.

Он потянул дверь на себя, и они вошли в светлую, хаотично-гармоничную комнату с высокими потолками и огромными, распахнутыми окнами. В беспорядке по полу были разбросаны старые палитры, пустые тюбики красок; в таком же беспорядке по комнате были разбросаны мольберты и сидящие за ними художники. Более-менее аккуратно были сложены лишь чистые холсты в углу возле двери. На дальней стене расположилась целая команда вокруг огромной, наполовину законченной картины в кроваво-красных тонах. С внутренней стороны на двери висела табличка, но разобрать надпись не было возможности. Холсты на мольбертах все были похожи друг на друга и напоминали тесты Роршаха, только клякса была не на белом фоне, а на бордовом. Готовые холсты с подшитыми к ним исписанными листами отправлялись куда-то вниз по шахте, напоминающей мусоропровод.

–Это одна из самых больших наших комнат. Вот здесь, – он указал на спрятавшийся за дверью банкомат, выдававший те исписанные листы, – мои ребята получают пожелания нашей непосредственной клиентуры и выполняют всё в точности по указаниям. Потом они подшивают заказ к готовому холсту и отправляют по трубам заказчику. Не скажу, что он всегда бывает доволен, но каждый получает то, что хочет. Вон ту, – он кивнул на дальнюю стену с огромной картиной, вокруг которой были разбросаны циркули, – мы с XIV века пишем. Теперь пойдём, не будем их отвлекать.

Они вышли в коридор. Алиса оглянулась посмотреть на запирающуюся дверь, но прохода уже не было. Однако сейчас она могла видеть, что тяжёлые, плотно подогнанные друг к другу доски дрожат, как пыль в солнечном луче, и чем глубже проникал взгляд, тем плотнее казалась дымка. Люк направился дальше по коридору, и за ближайшим поворотом упёрся в узкую высокую дверь, покрытую чёрным блестящим лаком, и взялся за медную круглую ручку.

–Добро пожаловать.

Первое, что бросалось в глаза в этой маленькой уютной комнате – большая двустворчатая панорамная дверь, рядом с которой находился круглый диск с цветовым спектром и узкой стрелкой, похожий на тот, что был у двери в замке Хаула. Сейчас за стеклом был мягкий зимний пейзаж, не такой, как на улице: пушистые, тёплые хлопья мягко падали в невидимые сугробы, и из-за белой стены почти ничего не было видно, только тёмные очертания то ли гор, то ли деревьев, и белое пятнышко луны. Хотя в кабинете было так же жарко, как и в коридоре, от этой двери веяло ломкой прохладой, прозрачной и невесомой. Снег нежно проникал в голову и остужал наполненные тревогой мысли, холодными кристалликами разрушая тяжёлую пробку на уровне переносицы. Сам кабинет не отличался роскошью: простой стол из тёмного дерева, стул без подлокотников на колёсах, небольшой книжный шкаф в углу, широкое кресло и столик на высокой ножке с дымящейся кружкой и книгой в мягкой обложке, из середины которой торчала красная нитка. Издалека названия было не видно, но рисунок на обложке был знакомым. У Алисы было точно такое же издание «Проклятых» Паланика, но свою она прочитала пару недель назад. В кружке был свежий кофе с корицей и молоком – запах дошёл до входной двери, где они стояли, и смешался со снегом. Алиса закрыла глаза, глубоко вдохнула и открыла снова, задержав в себе ощущение лёгкой эйфории от застрявших внутри кусочков сладкого льда и крошек кофейных зёрен. На кружке была надпись: «Boss #2».

–Будешь? Робуста, и корица палочкой.

–Конечно. Если это выкуп за душу, то мне, пожалуйста, большую кружку.

Он засмеялся – легко, искренне, с весёлыми ямочками в уголках рта. Смех дрожал в воздухе чуть больше секунды, а потом растаял и искоркой перескочил в блестящие глаза. Он открыл ящик стола и достал оттуда толстую оранжевую кружку с зелёными динозаврами, уже наполненную. Пенки и пара не было, от плотного содержимого пахло горьким шоколадом, и Алиса, опустив глаза вниз, чтобы маниакальный блеск был не так заметен, сделала глоток. Кофе медленно, патокой побежал вниз по горлу и разлился сначала по животу, а потом по рукам и ногам. Слегка ударив в голову, он приятной перчинкой вернулся на язык, обнимая его мягкими тёплыми лапками. Запах кружил голову, а коричная палочка уткнулась в щёку. Алиса обняла кружку обеими ладонями и словно опустилась в горячее молочно-коричневое облако. Сонно моргнув, она отпила ещё. Люк всё это время смотрел на неё, присев на стол и сложив руки на груди, и улыбался.

Алиса, не спрашивая позволения, на ватных ногах проследовала к креслу и плюхнулась, чудом не расплескав содержимое кружки. Титаническими усилиями сдерживая зевоту от мягкого кресла и выпитого кофе, она подогнула под себя ногу, откинулась на спинку и выжидающе посмотрела на Люка. Он очнулся, хлопнул в ладоши и, поправив галстук, уселся на свой стул. На столе валялась куча бумаг, теоретически разделённая на две кучки, стоял стакан с перьевыми ручками и полупустая чернильница.

теперь понятно, почему у него здесь чёрная рубашка. Потому что он тоже свинка

–Да, бывает иногда.

Алиса, разумеется, забыла о чтении мыслей.

упс

–Я здесь, чтобы кофе попить? Или за него всё-таки нужно отработать?

Он насмешливо взглянул на неё исподлобья, улыбнулся и снова опустил глаза на свои бумажки, отыскивая что-то. Наконец он нашёл исписанный мелким скачущим почерком лист с

нарисованной бутылкой, обмакнул ручку в чернильницу, поставил маленькую кляксу на рисунок, нацарапал что-то, поставил размашистую подпись и отправил листок в мусорную корзину.

–Я здесь не просто так сижу, как ты могла в начале подумать. Без меня, конечно, ничего не сломается, но моим ребятам работа скоро наскучит, и они начнут устраивать голодные забастовки. Поэтому я отсеиваю одинаковые, скучные и безграмотные описания нашего прекрасного офиса, и они могут воплотить только то, что прошло мою проверку. На той макулатурке, которую я выбросил, была твоя картинка.

Он поднял на неё внезапно посерьёзневшие глаза. Искорки больше не играли, и ямочки спрятались во впалых щеках.

–Я никогда раньше так не делал. Тебе придётся написать новое заявление. Если, конечно, хочешь сюда. В другом отделе попросторнее – там всего человек триста, но условия у всех одинаковые, индивидуализма они не терпят.

–Можно я твоей ручкой напишу?

Улыбка вернулась, но почти сразу затаилась.

–И ещё кое-что. У меня есть предложение.

–Так и знала, что кофеёк был не за просто так.

–Я дам тебе двенадцать часов – от рассвета до заката. Тебя никто не увидит, и ты не увидишь никого. Ты сможешь мгновенно перенестись в любую точку планеты и делать всё, что угодно, но у тебя не останется никаких материальных следов пребывания там – ни сувениров, ни фотографий. Только твои воспоминания. Это будет *твой* день. Безо всяких указов – любых; без последствий и с неограниченным лимитом возможностей. Условие только одно – не говорить «Я не знаю, что делать дальше».

Алиса забыла о дымящейся кружке в руках. Взгляд судорожно забегал по полу, а полуоткрытый рот растянулся в глуповато-счастливой улыбке. Все вокруг постоянно считали жизненно необходимым сказать, что делать: учиться, работать, завести детей, состариться и умереть. Они всеми силами старались показать то, на что смотрели, но при этом видеть, что происходит вокруг, они или не пытались, или не хотели. Шанс стать единственным человеком на земле, пусть даже всего на день, казался слишком хорошим, чтобы быть правдой.

Но вдруг стало страшно и стыдно одновременно.

–Желание побыть одной – совершенно нормально. Главное – не затягивать с этим. Чем дольше ты одна, тем хуже становится. Особенно если ты нырнула резко, не глядя ни назад, ни вперёд. Опасно это потому, что тебя сразу будто начинают натирать со всех сторон, сдирая кожу, – и никого нет, кто помог бы отодвинуть огромные листы наждачной бумаги. Ты рискуешь быть стёртым до мяса – и потом любое прикосновение, даже самое нежное и тёплое, будет жечь раскалённым железом. В худшем же случае ты можешь быть стёртым до основания, и ничего не останется. Говорят, что со временем становится легче. Это правда: чем больше времени прошло, тем меньше остаётся человека.

Люк понимающе смотрел на неё, положив руки на стол и наклонившись вперёд. Он улыбнулся правым уголком рта и чуть наклонил голову, показавшись вдруг беспомощным, как котёнок. Алисе не стало легче.

–Я боюсь. Я хочу остаться одна; иногда мне просто невыносимо даже из окна видеть людей. Но мысль о том, чтобы расстаться с мамиными руками дольше, чем на восемь часов рабочего дня, вводит меня в ужас. Тебя будто окружает постоянный холод, и никакие свитера и одеяла не спасают; всё время хочется плакать, но глаза остаются сухими, и от этого только тяжелее. Страшно, потому что у меня не будет шанса прибежать к ней и спрятаться за юбкой ото всех проблем.

–Так же не может продолжаться вечно!

–Почему?

Он насмешливо покачал головой.

–Хочешь, я сделаю так, что твоё отсутствие никто не заметит? И вернёшься в то самое время, из которого я тебя забрал. Ни одной минуты не потеряешь. Если выполнишь все условия.

Алиса усмехнулась.

–Ты и вправду дьявол.

Ей хотелось задать ещё один вопрос. «Почему я?». Но эта глупая привычка – задавать лишние вопросы, когда всё идёт подозрительно хорошо – уже не раз подводила её. А в таком деликатном вопросе как гипотетическая продажа своей души и вечное (возможно даже не самое неприятное) заключение в аду вообще не стоило торопиться. Но как можно слепо следовать голосу рассудка, когда гораздо интереснее сначала сделать, а потом подумать?

–А какая тебе от этого выгода?

больше подозрительного сарказма, больше

Он нервно усмехнулся, откинулся на спинку стула, а потом резко встал.

–Мне здесь ужасно скучно. Вечная – буквально вечная – скука рождает любопытство к каждой мелочи. Поэтому я и читаю эти бумажки так внимательно. Есть мизерный шанс найти что-то стоящее.

Он поднял на Алису горящий взгляд, а потом стал медленно, методично мерять комнату шагами, от окна к креслу. Алиса в это время допивала полуостывший кофе и наблюдательным взглядом натуралиста сопровождала его похождения. Она могла проснуться в любой момент, так что нельзя было упускать ни секунды этого увлекательного спектакля.

–Думаешь, у меня часто появляется возможность выбраться отсюда? Вот эта картинка, – он почти с ненавистью взглянул на шикарное панорамное окно, – иногда не больше, чем фотообои. Я смотрю туда в ожидании чего-то нового, но проблема в том, что я видел *всё*. Ты думаешь, что страшно быть погружённым в свои желания, оставшись без возможностей? Страшно утонуть в возможностях, растеряв все желания.

Он подошёл почти вплотную, напряжённый, дикий и беспомощный; Алиса должна была что-то сказать, но не могла найти слов, в которых не было бы жалости.

–Я написала.

Она протянула ему сложенный листок, с виду пустой. Люк будто осел, выдохнул и незаметным усилием воли вернул губам ухмылочку. Он начал было разворачивать записку, но Алиса схватила его за руку и тут же отдернула, уже не удивляясь своей наглости.

–Оставь на потом. Сейчас я хочу тебе кое-что сказать. Я согласна на этот день, но у меня есть крошечная просьба. Я хочу, чтобы ты провёл этот день со мной.

Люк от неожиданности тихо хрустнул смятой бумажкой. Почти не выдав дрожи в голосе, он выдал:

–Интересный у тебя стиль подбора компании. Ладно, я тоже согласен. Ах да – если ты не выполнишь условия, я сотру всё, что ты видела сегодня, из твоей памяти, и подошью в твоё дело старую картинку.

Алиса поставила кружку с остатками гуши на стол, положила руку Люку на запястье, не касаясь кожи, и закрыла глаза. Запах кофе пропал.

Ещё до того, как они открыли глаза, их окутало влажное тепло, пахнущее песком, цветущей водой, сладкими цветами и подгнившими фруктами. Под ногами был асфальт, но мерзкого запаха, который исходит от него в жару, не ощущалось. Солнце не обжигало, но всё равно было душно. Смотреть вокруг Алисе не хотелось; сначала нужно было вспомнить всё до мельчайших деталей – ров, джунгли, мост с полуразрушенными каменными львами, корни достающих до неба фикусов, оплётшие старые стены, и потемневшие от времени блоки ворот с четырёхликим богом на верхушке. Ни шума автобусов или байков, ни запаха бензина – будто с головы сняли железную маску, которую надевают на прокажённых, и дали вдохнуть полной грудью. Одежда почти мгновенно прилипла к телу, и от этого Алиса будто очнулась. Она распахнула

глаза и опьянела от ударившего в голову сочного, яркого зелёного цвета, не подёрнутого серой пылью и казавшегося только контрастнее на фоне затянутого синеватыми тучами неба.

Люк рядом, прищурившись и чуть наклонив голову вбок, с любопытством оглядывался вокруг.

–Даже как-то непривычно без людей. Ни разговоров, ни мыслей. И ты стоишь, что-то нехорошее думаешь про кого-то другого.

Алиса улыбнулась на этот немного детский выпад. Искренне, широко улыбнулась впервые за несколько месяцев – ей было по-настоящему хорошо.

–Почему здесь? – Люк, казалось, был удивлён, но доволен. – Я не был здесь, наверное, веков двадцать пять – всё не мог выбрать время для такого отпуска. Они изменились, – он кивком указал на ворота, – джунгли неплохо постарались. Я скучал по этим местам.

–Мне здесь называть тебя Ямой? – Алиса сощурилась и хитро улыбнулась, но потом вдруг посерьёзнела. – Мне нравится, что здесь ты – бог смерти и *справедливости*; это, на мой взгляд, самое верное определение того, чем ты занимаешься на самом деле. Но я здесь не поэтому. Я была здесь раньше, и кое-что я хотела бы уточнить. Сложно осознать, что тебе действительно нужно, пока ты не один.

–То есть меня за человека ты не считаешь?

–С какой это радости? Ни один человек не сделал бы такого для случайного знакомого.

–Ты – не случайность.

Глаза Люка вдруг остановились на ней и потемнели. Он весь будто замер, как статуя; исчезла его звенящая напряжённость мышц, грудь не колыхалась от дыхания (а дышал ли он вообще?), и даже ветер, гуляющий вокруг них и загоняющий в ноздри пыль, не тронул ни волоска на его голове. Это было жутковато, дико и завораживающе: Алиса не могла оторвать от него взгляд, и её разум медленно погружался в мягкую, тягучую тьму, сладкую, как патока. Сначала начала пропадать окружающая картинка, потом тихий шелест ветра; когда начали пропадать запахи, Люк расслабился, будто из него что-то выскользнуло и ушло в землю. Темнота на миг стала невыносимо глубокой и плотной, будто Алису бросили лицом вниз в колодезь, наполненный чёрной ватой, шуршания которой не было слышно; потом вдруг окружающий мир вернулся, окатив её с ног до головы душной жарой, зеленью листьев и стен и далёким, кисло-приторным запахом ананасов, от которого во рту сразу возникло сосущее предвкушение.

Люк озабоченно заглянул ей в глаза и, увидев, что он остановился вовремя, облегчённо вздохнул и отвернулся. Алиса встряхнула головой и полностью очнулась; в животе тут же заурчало. Отсутствие людей вокруг иногда всё-таки бывает не к месту – приходится самому искать себе еду. Но, взглянув на Люка, его плотно сжатые губы и впившиеся в белую кожу ногти, она забыла о голоде и вдруг вспомнила о падении в колодезь. Ей стало страшно: это был не панический ужас, пожирающий остатки здравого смысла и способности логически мыслить, и не визжащая боязнь мелкой непредвиденной опасности. Это был осознанный, на удивление спокойный страх перед никем не изведанным, проникающий во все жилки страх, делающий тело одновременно лёгким и неподвижным, так приятно останавливающий сердце стоящего у края пропасти человека.

–Так уходят не все. Только те, кто ждут такого; их на удивление много. Они все были готовы, но не то чтобы рады: они могли с облегчением выдохнуть. В последний раз. Если бы я сделал это сейчас, ты бы не простила меня.

–Почему ты думаешь, что я не готова? Каждый думает о смерти. Кто-то со страхом, кто-то – с равнодушием и принятием; кто-то – с чувством я-всем-вам-покажу-какой-я-был-хороший-и-как-вы-меня-не-ценили. Это нормально. Самое интересное начинается, когда думаешь о смерти с надеждой: причём с надеждой не на избавление от боли, а на открытие чего-то большего. Чего-то лучшего. Но всё это перестаёт быть страшным, если взглянуть чуть глубже. Мы

живём в отвратительном мире. Меньшинство сильных, которым нет вообще никакого дела до слабых, и большинство слабых, которым нет вообще никакого дела до самих себя. Цель жизни – потратить время, зарабатывая деньги, чтобы потом пустить эти деньги в погоню за упущенным временем. Каждый хочет отхватить себе три аршина бетонного пола в спальном районе, успеть засунуть ребёнка в школу получше, чтобы потом, получив приемлемое образование, он смог накопить родителю на три аршина земли. Люди забывают о своей мечте, о стремлении к свободе только потому, что это «непрактично»; они одиннадцать с половиной месяцев в году окружают себя серостью, чтобы оставшиеся две недели выпитывать чужие краски, глядя в окна экскурсионного автобуса. Они боятся новинок, боятся неизвестности, боятся самих себя; они проводят жизнь в страхе и унынии, механически выполняя требования общества. В мире, где добиться чего-то стоящего требует от человека просто титанических усилий, таких, что заставляют отступить даже самого упорного, не особо захочется задерживаться тому, кто решил сойти с ленты конвейера и посмотреть, что происходит вокруг. Просто... никто ведь не знает, что будет за гранью. Может, там тот самый мир, наполненный воздухом, красками, смыслом; словом, мир, где каждый из нас что-то значит. И теперь уже идея пойти искать своё Средиземье уже не кажется таким уж бессмысленным безумием, верно? Хуже уже явно не будет.

–Ты недооцениваешь меня. И человеческое воображение. Но позволь мне с высоты опыта сказать кое-что: по тебе видно, что ты не хочешь умирать. Более того: ты отчаянно жаждешь жить. Глубоко внутри ты кормишь целую стаю идей, надежд и мечтаний; ты просто боишься, что здесь им не выжить. Что мир задавит тебя рутиной, и некогда будет потчевать своих волчат отборными стейками. Ты боишься, что тебя разлучат с ними и посадят в поезд, следующий без остановок на конечную станцию. Поэтому ты продолжаешь прятать их от мира, думая, что убережешь их, чтобы потом, когда они подрастут и окрепнут, они смогли покорить мир. Но только вот это не сработает. Слышала о том, что драконы мельчают, если их сажать на цепь?

Алиса раздражённо отвела глаза. Люк усмехнулся, покачал головой и продолжил:

–Ты откладываешь всё на потом, находя каждый раз новые оправдания: то тебе кто-то мешает, то наоборот – кого-то не хватает. Ты воспринимаешь людей как источники света. Кто-то для тебя – фонарик, освещающий только одно направление: не потому, что он застрял или не хочет видеть ничего больше. Он просто не может – его луч направлен туда, куда он смотрит. Если очень захочется, ты можешь заставить их повернуться: кому-то просто предложить, а кого-то долго и упорно тянуть за ремешок на ручке, чтоб он наконец понял твою точку зрения. А есть те, кто просто светится, как старые лампы с маслом внутри. Они освещают всё вокруг – мягко, ровно и очень приглушённо. В этом свете ты можешь видеть лишь кончики своих пальцев – но куда бы ты ни указал, ты всегда будешь видеть направление.

И в этих потёмках ты блуждаешь всю жизнь. Ты можешь выбрать ярко освещённый путь и до конца держаться за фонарик. А можешь выбрать кое-что поинтереснее, надеясь, что рядом всегда будет несколько лампочек. Потому что если испугаться темноты, которая придёт, когда лампы погаснут, то можно забыть, что и ты кое-как, но светишься.

–Я боюсь, что в конце концов не останется вообще никакого света.

Алиса шмыгнула носом, натянуто улыбнулась, закатала рукава блузки и направилась по мосту в сторону ворот.

–Ты знал, что эти ворота называют Вратами Удачи? Чтобы удача всегда была с тобой, в них обязательно нужно войти пешком.

Люк решил поддержать тему приятнее, чем разговоры о смерти и одиночестве.

–Куда ты хочешь пойти в первую очередь? Я думаю, ты выбрала самое стоящее.

–В первую очередь мне нужно проверить карму. Я встретила тебя – она либо чиста, как у младенца, либо всё обстоит хуже, чем у больной бездомной собаки.

Они подошли к воротам. Тёплые камни давали тень, но не спасали от жары; и всё же, оказавшись внутри, Алиса почувствовала себя спокойнее, будто оставила всё лишнее за толстыми стенами, а то, что казалось не лишним, взяли на себя зелёные листья необъятных фикусов.

Асфальтированная дорога для туристических автобусов бежала в окультуренные джунгли, но Люк свернул на неприметную тропинку, уходящую в дикий, но светлый лес.

–Давай, я знаю короткий путь.

Он с лёгкостью нырял под выступающие ветки и перепрыгивал ветвящиеся под ногами корни; Алиса же, со всей её любовью к избеганию любой физической активности, еле успевала следить за его стремительно удаляющейся спиной. Очередной проём между зарослями казался просто непреодолимым, но, следуя за исчезнувшей в нём ногой в чёрной лаковой туфле, Алиса вывалилась на открытое пространство и увидела кусочек невысокой стены, полностью оплётённый корнями. Храм королевы-матери встретил их трескотнёй и шуршанием.

–Так, теперь понять бы, с какой стороны мы зашли, – Люк задумчиво почесал щеку. – Я срезал справа от ворот, значит, мы должны быть...

–Пошли, на месте разберёмся.

Алиса с новыми силами бросилась к мосткам через стену. Вокруг не было ни гвалта туристов, ни щелчков фотоаппаратов – только звук её собственных шагов, неестественный для окружающего мира. Солнце прорезалось сквозь тучи, но потерялось где-то в листве, и до земли дошли только крошечные пятнышки, старающиеся добраться до остатков барельефов, на которых уже ничего нельзя было разобрать.

Они обходили храм по периметру, чтобы не упустить место, которое искали. Дойдя до невысоких узких башенок, Алиса остановилась, положила правую руку на развалины одной и закрыла глаза.

–Знаешь, почему нужно прикоснуться к вещам двумя руками? Буддисты верят, что правая рука отдаёт плохое, а левая – берёт хорошее. Внутри этих башенок нет ничего хорошего, зато боли и страданий – половником черпай. Здесь королева держала танцовщиц – самых красивых и самых талантливых танцовщиц апсары для своего сына-императора. Чтобы сохранить их кожу белой, она перекрывала им всякий свет, даже танцы всегда проходили не раньше сумерек. Из-за отсутствия света они слепли взаперти, при этом оставаясь прекрасными и талантливыми. Кажется, сейчас нет королевы, хранящей ключи от наших башен. Только вот мы всё равно слепнем.

Алиса сжала руку в кулак до хруста в суставах, затем расслабилась и мягко провела по камням ладонью на прощание.

–Здесь должно быть недалеко, идём.

Люк с любопытством глянул на безобидные развалины и последовал за ней.

Вдоволь наплутавшись, они наконец вышли к высокой башне с конусообразным куполом. Она была небольшая – три на три, со сквозным проходом и небольшим алтарём с благовониями в середине. Алиса сразу проследовала к сплошной стене и прижалась к ней ладонями и затылком. Люк встал в проходе и переводил недоумённый взгляд с неё на круглое отверстие прямо над алтарём, сквозь которое бил нестерпимо яркий солнечный свет. Алиса усмехнулась и указала ему на противоположную стену:

–Нужно прижаться к стене как можно плотнее, обязательно касаясь обеими ладонями, и затем отдать ей всю тяжесть, которая у тебя накопилась, – она прикрыла глаза и выдохнула, казалось, весь воздух, что был в лёгких. – Потом нужно трижды ударить себя кулаком в грудь, слева, – после каждого удара был слышен тихий гулкий звук, будто язычок небольшого колокола обмотали шерстяным шарфом, – и чем чище звон ты услышишь, тем лучше у тебя карма.

Алиса отпрянула от стены, но не ушла; Люк же будто слился со стеной, закрыл глаза и стоял так долго, напряжённо сжав губы. Потом вдруг резко поднёс кулак к груди и ударил – Алисе пришлось зажать уши: глубокий, протяжный стон огромного медного гонга потряс

башенку от основания до верхушки; снаружи зашумели крылья напуганных летучих лисиц, а вдогонку им уже бежал второй удар, накрытый, словно одеялом, третьим и самым мягким ударом. Люк наконец открыл глаза и чуть не упал на каменный пол. Оглушённые, они оба, шурясь, вышли на свет и, обессиленные, опустили на нагретые плиты. Избегая смотреть в глаза, каждый видел, что другой улыбается.

–В следующей жизни ты станешь мужчиной, – Алисе было легко и весело, как никогда. Она оставила в башне всё, и, пока её не накрыл внешний мир, можно было безнаказанно шутить над самым грустным.

–У меня же чистая карма, за что? – Люк тихонько засмеялся, глядя на неё, а она тихо смеялась, глядя в лес.

Она медленно поднялась, неловко опираясь на стену, отряхнулась и подала ему руку.

–Давай, ещё два храма осталось. У меня время идёт, – она улыбнулась уголком губ и легко дёрнула его за руку. Люк встал, поправил галстук, и они направились к выходу. На его костюме не было ни песчинки.

После очередного плутания между полуразрушенными стенами и корнями, поддерживающими друг друга, Алиса и Люк выбрались на дорогу. Тёмно-серый асфальт зловеще перечёркивал стройную линию джунглей, вставших плотной стеной на защиту своих сокровищ; унылая стоянка для автобусов пустовала, но засыпанное плотным песком пространство наводило не меньшую тоску. Алиса огляделась в поисках подсказок, но топографический кретинизм не подвёл: она не имела ни малейшего понятия о том, в какую сторону идти.

Люк широко, весело и профессионально улыбнулся, протянул ей руку и дикторским голосом произнёс:

–Спасибо, что выбрали Devil Airlines, мы желаем вам приятного полёта.

–А что, инструктажа по безопасности не будет? – Алиса округлила глаза, потом сама посмеялась над своей шуткой и положила ладонь ему на предплечье.

Они переместились – мгновенно и бесшумно – к храму, составляющему абсолютную противоположность первому: густое скопление башен, колонн и скульптур, окружающих центральное здание, создавало жутковатое впечатление, наверное, потому, что слишком напоминало современный мир. На фоне бушующей зелени вокруг он казался особенно серым, и даже в солнечном свете лики, которые должны были смеяться, хмурились и складывали неподвижные каменные губы в пугающе-молящей гримасе. Но это была только маскировка: стоило им подойти ближе, как из-за камней выглянули цветы и трава, нашедшие совершенно неожиданный путь среди камней. Взбираясь выше и выше по крутым и неудобным ступеням, они стремились вырваться из-под зоркого взгляда хранящих их развалин, но те снисходительно глядели на дерзкую и глупую молодую зелень, зовущую чужаков на погибель себе и своим защитникам, и нежно, но твёрдо отводили их от непрошенных гостей.

Они разделились, решив выяснить, кто быстрее поднимется на верхний ярус. Выиграла Алиса – взбираясь по ступеням, едва ли достаточно широким даже для её маленьких ног, она решила остановиться посередине и предоставить Люку возможность прогуляться по верху в её поисках. Никто ведь не устанавливал, на чей верхний ярус нужно подняться: для Алисы этот был достаточным. Устроившись возле лестницы, свесив ноги со стены и прищурившись, она высматривала в бесконечном море верхушки других попыток человека стать выше природы. Выходило плохо.

Люк мягко опустился рядом и, не обращая внимания на солнце, рассматривал еле заметную сеть дорог, пронизывающую джунгли, липкую и частую, как влажная паутина.

–Я чувствую небо внутри, – Алиса с наслаждением, медленно втянула в себя воздух, пропитанный лёгкой каменной пылью. –Раньше на его месте ничего не было, поэтому сейчас даже немного больно.

–От ада может быть так же хорошо.

–Проблема была в том, что я не чувствовала вообще ничего.

–Можно мне рассказать тебе секрет?

Алиса недоверчиво открыла один глаз и взглянула на него. Люк был серьёзен. Она кивнула и закрыла глаз обратно.

–Та тьма, которой так все боятся, не так плоха, как кажется; она давно поглотила меня. Стала полем для игр моих внутренних демонов, приносящим покой мне самому.

–Хороший ход. Но он не сработает, когда тьме нет места. Когда всё вокруг слишком серо, чтобы стать чёрным.

–Тогда пойдём со мной, – он протянул ей руку.

Алиса посмотрела на него испуганными глазами, обезоруживающе улыбнулась и спрятала ладони под бёдра. После непродолжительного, но настойчивого избегания его взгляда путём расфокусированного рассматривания одной точки она треснувшим голосом произнесла:

–У меня нога затекла. Пора спускаться.

Он смотрел себе под ноги, а она пыталась успеть насмотреться на всё вокруг. От предложения – теперь уже официально переставшего быть шуткой – не слишком хотелось отказываться, но согласиться было невыносимо. Постепенно приходила ясность, и мысли, которыми Алиса обычно подпитывала отчаяние и жалость к себе, слышались по-новому. Просыпались давно забытые мечты и желания, зудя, словно старые раны, с которых так приятно сдирать засохшую кровь, обнажая свежую, ярко-алую и такую сладкую, что тянет на поиски новых способов выпустить накопившуюся в жилах энергию. Хотелось наконец дать себе волю делать то, что всегда казалось неуместным лишь потому, что этого никто больше не делал – словом, близость смерти пробудила погибающую жажду жизни.

Они вышли с территории Байона не с той стороны, откуда пришли. Прямо напротив них, через дорогу, стоял маленький храм-беседка с большой статуей Будды внутри. Вокруг него лежали гирлянды из оранжевых и красных цветов, стояла ваза с бело-зелёными нераскрывшимися кувшинками лотосов, дымились палочки с благовониями.

Справа, скрытый от посторонних взглядов колоннами и статуей, на выцветшей потёртой циновке сидел старый монах и плёл тонкие браслеты из тёмно-жёлтых ниток. Алиса запнулась о взявшиеся из ниоткуда ступеньки и чуть не оторвала рукав от пиджака Люка, пытаясь удержаться на ногах. Сам он, похоже, ничуть не удивился, лишь ускорил шаг. Монах, заметив их, отложил своё занятие, широко улыбнулся и пригласил их сесть перед собой.

Люк тихонько толкнул Алису под ребро и улыбнулся. Она в состоянии лёгкого шока скинула кеды, подошла к монаху, опустила перед ним на колени и вытянула вперёд руки ладонями вверх. Монах, дёрнув за повязанную им же красную верёвку на Алисином запястье, щёлкнул языком и покачал головой. Взяв в руки одну из свежих ниток, он, напевая что-то на санскрите, завязывал узлы – сначала два, потом ещё по одному на каждом из концов. Затем, растянув довольную улыбку ещё шире, он сложил руки лотосом, коснулся указательными пальцами кончика носа и чуть поклонился. Алиса машинально ответила, встала и, круглыми как блюдца глазами глядя на ухмыляющегося Люка, села на ступеньки завязывать шнурки. Он же легко взбежал наверх, на ходу скинув туфли и расстегнув пуговку на пиджаке, и тоже опустился на колени перед монахом. Тот ловко, легко проникая тонкими пальцами под узкую манжету, вытащил на свет бывшую когда-то давно такой же красной, как и у Алисы, верёвочку, и от радости закрыл улыбкой глаза: браслет развязался буквально у него в руках. Люк тоже улыбнулся, бросил еле заметный косой взгляд на повернувшуюся к ним боком Алису, и поклонился монаху, приложив сложенные вместе пальцы к носу. Монах в ответ коснулся ладонями лба и снова вернулся к своим браслетам.

Люк легко, почти пританцовывая, спустился, одним движением изящно надел туфли, сунул руки в карманы и едва не начал насвистывать. Алиса, вконец перестав понимать, откуда

всё это взялось, не нашлась, что сказать; но и без чтения мыслей по её недовольно-испуганному лицу всё было понятно.

–Я над ним не властен, – Люк широко улыбался, а в глазах у него сверкали золотисто-красные искорки, –и никогда не задумывался, почему. Не все вопросы нуждаются в ответах, особенно если от ответа может разрушиться магия.

Алиса была в полном замешательстве, но тоже решила не копаться в ответах: там было слишком много мусора. Вместо этого она спросила:

–Почему ты не повязал новую верёвочку?

Его глаза блеснули чернотой.

–Потому что я уже получил всё, чего хотел.

Они шли по дороге молча: Люк – с неестественно широкой улыбкой на лице, радостно вдыхая тяжёлый, пропитанный цветами воздух, и Алиса – ссутулившись, грустно глядя на возвышающиеся по сторонам деревья, которым выпал счастливый билет – родиться здесь повелителями своих земель. Она хотела остаться – отчаянно, и неважно было, какие будут последствия; в то же время её съедало желание вернуться и тихонько, незаметно передать накопившийся свет самым близким: не произнося ничего вслух, чтобы ничего не потерялось и не обесцветилось. Когда выставляешь самое яркое напоказ, оно скоро становится плоским и ненужным, быстро отмирает, не оставляя ничего ни тебе, ни тем, кто так жаждал у тебя это позаимствовать. Ей было грустно уходить, и из-за грусти она упускала последние и самые сладкие мгновения. Как всегда.

–У нас осталась всего пара часов, – Люк тоже был расстроен и, может быть, слегка раздосадован. Давай, ускоримся немного. Я знаю, куда ты направляешься.

Он протянул руку. Алиса взглянула на неё с недоверием, помня о недавнем предложении, которое никто не отменял.

–Не бойся. Я дьявол, а не бог; я всегда говорю то, что имею в виду.

а, какого чёрта

Люк усмехнулся, а Алиса закрыла глаза и взяла его за руку.

Они оказались на верхушке центральной башни города-храма. Люк явно был не в ладах с определением времени по солнцу: до заката вряд ли оставалось больше получаса. Вокруг них был колоссальный труд тысяч вдохновлённых неземными силами человек – пруды отражали стены, лестницы и уходящие в бесконечность башни, тяжёлое жёлтое солнце, тёмно-голубое небо, создавая на своём дне мир более реалистичный, чем тот, в котором они находились. Алиса, окружённая источающими покой камнями, не замечая высоты, наклонялась вперёд всё сильнее, и, наверное, упала бы, если бы не осознала, что всё ещё держит Люка за руку.

Его ладонь была тёплой, как окружающие их песчаные блоки, с тонкими ломкими пальцами, такими на удивление сильными и твёрдыми. Он знал, что она специально не отпускает его руку, притворяясь, что это бессознательный жест. Сознывая, что ещё чуть-чуть – и смущение сдастся под напором накрывающего её такого приятного, но абсолютно неуместного в их случае чувства, он осторожно освободил руку, сжав Алисину ладошку на прощание, и дрогнувшим голосом попросил её:

–Закрой глаза.

Алиса сжала руку в слабый кулак и зажмурилась. В глубине души она, конечно, ожидала кое-чего... Но не смела даже отголосок такой мысли пустить в голову – кажется, у всех в мире выражение искренних чувств требует слишком много мужества, которого хватает только на признание в любви маме и коту.

Вокруг будто ничего не происходило, но Алиса чувствовала странные, резкие и неравномерные порывы неожиданно холодного влажного ветра. Высунув наружу кончик языка, она почувствовала в каплях соль.

–Можешь открывать.

Люк отошёл в сторону настолько, насколько это позволял крошечный уступ, заложил руки за спину и выжидающе наклонил голову. Алисе пришлось сначала зажмуриться, потому что в глаза ударил свет гораздо ярче солнечного. Когда она немного привыкла к сиянию, то не смогла удержать рот закрытым.

Перед её глазами развернулся величественный древний город, почему-то покинутый обитателями; чувствовалось присутствие человека, но не было видно его следов. Идеальный город сиял в оранжевых лучах: позолоченные фигуры башен, серебряные хвосты каменных львов, драгоценные камни их глаз – встречаясь, лучи рождали мириады маленьких радуг, причиняя глазам нестерпимую боль, но оторвать взгляд не получалось. Пруды больше не манили вглубь: умножая сияние, они выталкивали из себя второй город, не смевший встать рядом с первым. Стены отливали розовым, исчезли все следы времени, и внизу, внутри башни, вместо покрытой сусальным золотом статуи Будды стоял невозмутимый и безмолвный каменный Вишну.

Лучи вдруг стали темнее, насыщеннее, и картинка на мгновение померкла; но тут же блеск вернулся, принесённый ещё больше острых, словно хрусталь, зайцев в глаза. Алиса поняла, что плачет. Повернув сияющее лицо к Люку, она улыбнулась, а он сунул руку в карман и достал бумажку, которую она дала ему, казалось, в прошлой жизни.

–Теперь можно?

Алиса уже забыла про эту крошечную фразу, которая пришла ей в голову ещё когда Люк начал рассказывать обо всей этой системе сценарист-художник. Но, как человеку, который всегда делал так, как ему было сказано, она понимала, чего так недостаёт всемогущему дьяволу.

Там было всего пять слов: «Сделай так, как тебе нравится».

Он опустил улыбающиеся глаза в помятый листочек, и его лицо вытянулось. Он долго вчитывался, будто пытаясь увидеть там что-то кроме очевидного. Алиса улыбнулась.

–Я тоже не бог. Я не утаиваю правду от дьявола.

Он больше не видел смысла себя контролировать. Едва не сбив её с ног, он подлетел, обвил пальцами её руки чуть выше локтя и мягкими, сладкими, как солёная карамель, губами закрыл от неё весь мир. Алиса почувствовала, что падает вниз. Ей всегда представлялось, что поцелуй уносит вверх, впуская в голову холодную вьюгу, уносящую всё, что было раньше; сейчас же она чувствовала в животе кусок плавящегося золота, тянувший её всё ниже и ближе к Люку. Соль слёз, дождя и сладости не помогала прийти в себя, а лишь усиливала ощущение нереальности происходящего. Когда выдерживать это уже не было сил, Люк отпустил её и встревоженно посмотрел ей в глаза. Неожиданно нахлынувший холод после жары привёл Алису в чувство и породил не удержавшийся за зубами вопрос:

–И что нам делать дальше?

Горько блеснул последний луч ставшего вдруг кроваво-красным солнца, отразившись в глазах Люка. Алиса закрыла глаза и сглотнула. Когда она снова открыла их, сквозь мутную плёнку просочились сначала фиолетовые сумерки, потом внезапно почерневшие камни, а потом осознание того, что она осталась одна на вершине вновь постаревшего храма. Алиса опустила на пол и свесила вниз одну ногу. Глядя на просыпающиеся джунгли, она думала о том, что сейчас ей не нужно никакого одиночества, никакой свободы творчества или свободы действий. Ей просто хотелось оказаться дома и уютно закутаться в одеяло, хотелось вернуться в свою теплицу и никогда не покидать её так надолго. Часть её ненавидела остальной разум за такие мысли, но остальному разуму было всё равно. Она вытерла рукой сухие горячие щёки, встала, повернулась к пропасти спиной и сделала шаг назад.

Послышался жуткий грохот. Алиса, сражаясь с неведомым противником, опутавшим её с ног до головы какой-то плотной сетью, распахнула глаза и обнаружила, что борется с одеялом.

ну, этого врага мне точно не победить

Она сонно откинулась обратно на подушку и накрыла лицо ладонями. Со стороны стола послышалось громкое и вопрошающее «мя?»». Кот, до этого внимательно наблюдавший за

сброшенной на пол расчёской, обнаружил, что его человек проснулся, и направился в разведывательно-выпрашивательный рейд. По-охотничьи мягко и почти неслышно, крадучись, он добрался до своей цели: видневшихся из-под одеяла ступней. Ловко просунув лапу с наполовину выпущенными когтями, он упустил добычу, но добился, чего хотел: на него смотрели недовольные, но уже явно не собирающиеся засыпать обратно глаза. Он деловито, уже не скрываясь, направился к этим глазам.

Алиса тем временем успела включить телефон. Он показывал субботу, пропущенный будильник и оставшиеся до звонка ничтожные двадцать минут. Алиса, прекрасно осознавая, что уже опоздала, с чувством «минутой больше, минутой меньше – какая разница?» подтащила к себе не особо упирающегося кота, собираясь повспоминать подробности странного сна, и обнаружила на своём запястье, рядом со старой красной, новую, свежую, с ещё не распушившимися концами, тёмно-жёлтую верёвочку.